

Грамматика русского языка, т. II
Синтаксис, ч. I

Печатается по постановлению Редакционно-издательского совета Академии наук СССР

Редакторы издательства Н. И. Игнатова и А. Т. Лифшиц. Технический редактор А. П. Гусева
Переплет художника Н. А. Седельникова

Сдано в набор 23/I 1960 г. Подписано к печати 4/IV 1960 г. Формат 70×108¹/₁₆. Печ. л. 44=60,28
усл. печ. л. Уч.-изд. л. 49,6. Тираж 50 000 экз. Т-03067. Издат. № 4574. Тип. заказ № 575.

Цена 31 р. 75 к.

Издательство Академии наук СССР, Москва, Б-62, Подсосенский пер., д. 21
1-я типография Издательства АН СССР, Ленинград, В-34, В. О., 9 линия, 12

Отпечатано со стереотипа во 2-й типографии Издательства АН СССР, Москва, Шубинский пер., 10.
Заказ 431.

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
И Н С Т И Т У Т Р У С С К О Г О Я З Ы К А

ГРАММАТИКА РУССКОГО ЯЗЫКА

Том II
С И Н Т А К С И С

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
Москва 1960

О Т И З Д А Т Е Л Ъ С Т В А

«Грамматика русского языка» в двух томах (трех книгах) была подготовлена к изданию Сектором современного русского языка Института языкознания Академии наук СССР и вышла в свет в 1952—1954 гг.

В связи с многочисленными требованиями читателей Издательство АН СССР производит выпуск дополнительного тиража «Грамматики».

В настоящее издание Институтом русского языка Академии наук СССР внесены некоторые исправления.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

академик *В. В. Виноградов*,

член-корреспондент АН СССР *Е. С. Истрина*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Второй том академической «Грамматики русского языка», содержащий синтаксис, ставит перед собой задачу подробного описания основных типов словосочетаний и предложений (простых и сложных) в современном русском языке.

Для выполнения этой задачи было необходимо привлечь как можно больше синтаксического материала из языка классической русской и современной советской литературы. Обилие примеров и иллюстраций оправдывается стремлением авторов не только описать, но и наглядно показать типические случаи употребления разнообразных синтаксических конструкций. Это не могло не отразиться на объеме второго тома «Грамматики русского языка».

Работа по классификации и описанию синтаксических явлений современного русского языка, относящихся к строю простого и сложного предложений, началась еще в Институте русского языка с 1946 года. Результатом этой работы был ряд написанных глав из разделов, содержащих описание структуры простого предложения и разных видов сложного предложения (общим объемом более 30 печатных листов). С учреждением Института языкознания АН СССР направление и организация работы над вторым томом «Грамматики русского языка» коренным образом изменились. Отсутствовавший в прежнем плане отдел синтаксиса, содержащий описание типов и форм словосочетаний, занял подобающее ему место. В связи с расширением и углублением синтаксического учения о словосочетании должен был подвергнуться существенным изменениям и план исследования, а также изложение тех вопросов русского синтаксиса, которые относятся к учению о простом предложении, его членах, его разновидностях, о сложном предложении и его типах. Прежде приготовленные главы синтаксиса были в корне переработаны, ряд глав написан заново.

Коллектив авторов, принимавших активное участие в подготовке академического «Синтаксиса», значительно расширился. Теоретическое введение в «Синтаксис» написано акад. В. В. Виноградовым. Авторами глав, посвященных описанию разрядов и форм словосочетаний, являются: В. А. Белошапкова («Словосочетания имен существительных с именами существительными», «Словосочетания имен существительных с наречиями», «Словосочетания имен существительных с инфинитивом»), Е. А. Земская («Глагольные словосочетания с инфинитивом»), Н. Н. Прокопович («Словосочетания имен существительных с именами прилагательными, местоименными прилагательными, порядковыми числительными и причастиями», «Словосочетания с именем прилагательным в роли главного слова», «Словосочетания с местоимением в роли главного слова», «Словосочетания с именем числительным в роли главного слова») и В. М. Филиппова («Глагольные словосочетания с именами

существительными», «Глагольные словосочетания с наречиями», «Словосочетания с наречием в роли главного слова». В написании глав, относящихся к изложению учения о простом предложении, участвовали следующие авторы: Е. М. Галкина-Фелорук («Виды предложений по цели высказывания. Предложения нераспространенные и распространенные», «Глагольное сказуемое», «Подлежащее», «Обобщенно-личные предложения», «Неопределенно-личные предложения», «Безличные предложения» и, в сотрудничестве с Е. А. Земской, «Согласование сказуемого с подлежащим», «Порядок слов в простом двусоставном повествовательном предложении»), Е. А. Иванчикова («Неполные предложения», «Обращение», «Вводные слова и сочетания слов», «Вводные предложения», «Вставные предложения, слова и сочетания слов»), Э. И. Коротаева в сотрудничестве с Н. Н. Прокоповичем («Обособленные второстепенные члены предложения»), Н. С. Поспелов («Однородные члены предложения», «Слова-предложения»), Н. Н. Прокопович («Определение»), К. А. Тимофеев («Инфинитивные предложения»), В. М. Филиппова («Дополнение»), Е. Т. Черкасова («Обстоятельство») и Н. Ю. Шведова («Именное сказуемое», «Сказуемое, выраженное причастием», «Сказуемое, выраженное междометием», «Номинативные предложения»). Авторами раздела, посвященного сложному предложению, являются: В. А. Плотникова («Сложносочиненные предложения, в которых выражаются соединительные, сопоставительные и разделительные отношения»: «Сложносочиненные предложения с союзом *зато*, с союзом *однако*, с союзом *же*, с союзом *да*, с союзами *а то, не то, а не то*», «Сложносочиненные предложения с разделительными союзами»; «Сложносочиненные предложения, в которых выражаются присоединительные отношения»), И. А. Попова («Сложносочиненные предложения, в которых выражаются соединительные, сопоставительные и разделительные отношения»: «Сложносочиненные предложения с союзом *и*», «Сложносочиненные предложения с союзом *а*», «Сложносочиненные предложения с союзом *но*» — все разделы в сотрудничестве с В. А. Плотниковой), Н. С. Поспелов («Бессоюзные сложные предложения») и А. Б. Шапиро («Сложноподчиненные предложения»). Глава «Прямая, косвенная и несобственно-прямая речь» написана В. Д. Левиным.

Естественно, что при таком большом количестве авторов-составителей трудно было достигнуть полного внутреннего единства как в содержании всех частей «Синтаксиса», так и в приемах изложения разных синтаксических правил, хотя редакция и стремилась к такому единству и такой цельности.

Так же, как и при подготовке первого тома «Грамматики русского языка», большую помощь редакции в обработке всех глав второго тома оказали А. Б. Шапиро и Н. Ю. Шведова.

Широкое общественное обсуждение академической «Грамматики русского языка» и отклики на нее помогут устранению неизбежных недочетов и дальнейшему усовершенствованию всего нашего труда.

ВВЕДЕНИЕ

МОРФОЛОГИЯ И СИНТАКСИС КАК СОСТАВНЫЕ ЧАСТИ ГРАММАТИКИ

1. Г р а м м а т и к о й называется наука о строе слова и строе предложения в отвлечении от конкретного материального значения слов и предложений, а также и самый строй слова и строй предложения, присущие данному языку ¹.

Морфология имеет дело с правилами изменения слов, иначе говоря — с правилами образования форм слов. Но иногда границы морфологии расширяются и в ее состав включается, как это сделано в первом томе настоящей «Грамматики русского языка», учение не только о способах образования форм слов (иначе — учение о формообразовании, включая сюда и словоизменение, т. е. системы или «парадигмы» склонения и спряжения), но и учение о словообразовании, т. е. о способах образования слов.

Формы и категории словообразования играют существенную роль в разграничении частей речи. Для тех частей речи, которые не располагают развитой системой формообразования, как, например, наречие в русском языке, значение словообразовательных признаков особенно велико и важно. В системе русского глагола формообразование и словообразование скрещиваются и переплетаются, особенно в категориях вида и залога. Естественно, что к морфологии же в этом случае относятся способы образования производных служебных слов, например предлогов из наречий, из падежных форм имен существительных (иногда в сочетании с предлогами) или из глагольных форм (вроде *мимо, около, кругом, посредством, путем чего-нибудь, вследствие чего-нибудь, благодаря кому [чему]-нибудь*); союзов (типа *чтобы, так как, потому что, с тех пор как, вместо того чтобы* и т. п.); частиц, образовавшихся из глагольных форм (*пусть, пускай, хоть бы, дай, давай* и т. п.), из наречий (*просто, прямо* и т. п.). Однако вопрос о том, в какой мере целесообразно включать в морфологию современного русского языка описание состава и особенно функций непроеизводных, так

¹ См. «Грамматика русского языка». Изд. Акад. наук СССР, 1960, т. I, стр. 8

называемых первообразных союзов, предлогов и частиц, а также наречий, например местоименных, очень спорен и сложен. Тут мы вступаем, строго говоря, в область синтаксического употребления соответствующих разрядов слов, в область правил сочетания слов, в область синтаксиса.

Предметом синтаксиса как отдела грамматики является изучение способов соединения слов в словосочетания и в предложения, а также изучение типов предложений, их строения, функций и условий употребления. Следовательно, в синтаксис, кроме учения о предложении, кроме правил составления предложений или соединения слов в предложения, входит и описание видов словосочетаний, описание способов сочетания слов в предложении. С л о в о с о ч е т а н и я м и обычно называют грамматические единства, образуемые посредством соединения двух или большего количества слов, принадлежащих к знаменательным частям речи, и служащие обозначением какого-нибудь единого, но расчлененного понятия или представления, напр.: *сторонник мира, законы развития, внутренние законы развития языка, потребность в образовании, жажда знания, любовь к родному пепелищу, закон всемирного тяготения, материалистическая диалектика, основной экономический закон социализма, расцвет культур, расцвет национальных культур, учиться в университете марксизма-ленинизма, недалеко от Москвы.*

Итак, морфология — это одна из двух частей грамматики, включающая в себя правила изменения слов, иначе говоря — правила образования форм слов, а обычно также и правила образования слов; синтаксис — это другая часть грамматики, тесно связанная с морфологией и содержащая правила сочетания слов и правила составления предложений, т. е. излагающая учение о словосочетании и учение о предложении.

2. Морфология и синтаксис как составные части грамматики взаимосвязаны и взаимообусловлены. Каждая из этих частей имеет свой предмет изучения, свои задачи. Морфологические категории, обнаруживаемые в системе частей речи, свойственных данному конкретному языку или группе родственных языков, обладают своими особыми закономерностями, хотя они и тесно связаны с синтаксическими категориями. Достаточно указать на такие морфологические категории, как категория падежа имени существительного с соответствующей системой форм и функций, как категория времени и наклонения глагола. Вместе с тем морфологические явления, находящиеся в тесной связи друг с другом и сами возникающие в результате кристаллизации и обобщения синтаксического употребления, а иногда и лексических значений слов, определяют в той или иной степени особенности синтаксических построений, характерных для того или иного языка. Например, своеобразие морфологической структуры категорий рода и числа имен существительных определяют формы согласования прилагательных, числительных порядковых, местоименных прилагательных, а также

личных форм глагола, особенно форм прошедшего времени и сослагательного наклонения (ср. *исполнительный старшина, большая толпа, прошлогодний снег, сложная машина, красные чернила, густые сумерки, бездарный подмастерье, жаркое лето, первая задача, двадцатое число, весь день, каждый час и т. п.*). Морфологические своеобразия группы имен числительных количественных очень тесно связаны с их синтаксическими свойствами, с особенностями словосочетаний, ими образуемых. Морфологические категории наклонения глагола являются в то же время синтаксическим средством формирования и разграничения так называемых модальных типов предложений.

[Фамусов] *Словечка в простоте не скажут, все с ужимкой...*
Гриб., *Горе от ума*, д. II, явл. 5; *Скажи-ка, дядя, ведь не даром Москва, спаленная пожаром, Французу отдана.* Лерм., *Бородино*.

Однако из того факта, что в основе многих синтаксических категорий лежат категории морфологические, нельзя делать вывода, что «категория грамматическая познается в синтаксисе», как это утверждал академик А. А. Шахматов, и что, следовательно, морфология в русской грамматике занимает положение, целиком подчиненное синтаксису. Даже те морфологические категории, которые обнаруживают совокупность своих функций в синтаксических отношениях слов, имеют и другую, чисто морфологическую, самостоятельную сторону своего существования, являющуюся основным предметом изучения в морфологии. Например, морфология изучает категорию падежа у имен существительных, прилагательных и местоимений с точки зрения системы форм одного и того же слова, образуемой этой категорией. Так, падежные формы слова *книга* (*книга, книги, книге, книгу, книгой, о книге, книги, книг, книгам, книгами, о книгах*) в морфологии изучаются как формы изменения имени существительного женского рода. Само собой разумеется, что сюда же может входить и общее определение функционального содержания этих форм в их живых соотношениях. Изучение же форм и типов словосочетаний, связанных с разными падежными формами имен существительных (независимо от их родового класса и своеобразий словоизменения), уже относится к синтаксису.

При пользовании языком как живой системой общения морфологические свойства слова не создаются его синтаксическим отношением к другим словам, а лишь обнаруживаются в таком отношении. Однако в процессе постепенного исторического развития грамматического строя морфологические качества того или иного разряда слов могут сложиться в результате их синтаксического употребления или синтаксических связей (ср., например, образование полных форм имен прилагательных в русском языке и в других славянских языках).

Изучение способов соединения слов в словосочетания исходит из тех грамматических свойств разных частей речи, которые установились

в ходе их развития, и опирается на функции форм слов, принадлежащих к знаменательным частям речи.

3. Морфологические видоизменения слов и их грамматические функции образуют базу многих синтаксических категорий. При этом то, что в морфологии бывает объединено согласно правилам изменения слов, в синтаксисе может разойтись по разным категориям в соответствии с различием функций в строе словосочетания или предложения. Вот несколько иллюстраций.

Система падежных форм имени существительного, подводимая под строго определенный тип склонения, представляет собою внутреннее морфологическое единство форм одного и того же слова (напр.: *рука, руки, руке, руку, рукою, о руке, руки, рук, рукам, руками, о руках*). Однако отношения, выражаемые этими формами в связной речи, очень разнородны. В синтаксисе эти формы объединяются и разграничиваются не по единству основы, не по парадигмам склонения, а по выражаемым ими отношениям слов в словосочетании и предложении (*болезнь рук, локость рук, сила рук, проворство рук, знак рукою, движение руками, гимн руке, забота о руке, перчатка по руке* и т. п.; *лишиться руки, нанять руку, зажать в руке, выбить из рук, взмахнуть руками* и т. д.).

Если оставить пока в стороне функции форм именительного падежа единственного и множественного числа, то многообразие функций косвенных падежей существительного обычно сводят, в самом общем и недостаточно дифференцированном виде, к трем основным типам: 1) объектные, т. е. предметные (или предметно-распространительные), 2) определительные, 3) адвербиальные, обстоятельственные, а также качественно-обстоятельственные (времени, пространства, причины, цели, образа действия и т. д.), причем, естественно, возможны самые разнообразнейшие виды переплетения, взаимодействия и взаимоперехода этих функций, т. е. возможны переходные типы.

Чтобы показать, например, разнообразие тех синтаксических связей и тех смысловых оттенков, которые условно называются объектными или дополнительными, можно воспользоваться тремя из двенадцати синтаксических вариантов одной строки стихотворения В. В. Маяковского «Сергею Есенину»: *...Наша жизнь к веселью мало оборудована; ...Наша жизнь под радость мало оборудована; ...Для веселой планета наша мало оборудована...* Как делать стихи?, 2. (Ср. также: *...Не особенно планета наша для веселой оборудована*).

Три разных конструкции — *оборудована к веселью, под радость, для веселой* — существенно отличаются не только по форме, но и по смысловым оттенкам. Наиболее конкретно функция предметного назначения выражается словосочетанием *оборудована под радость* (ср. *оборудовать помещение под театр, под столовую* и т. п.). Словосочетание *оборудовать для чего-нибудь*, выражающее целевые отно-

нения, — самое типичное и обобщенное. Непривычна в силу совмещения оттенков направленности и назначения конструкция: *Наша жизнь к веселью мало оборудована* (ср. еще из вариантов: *Планетишка наша к удовольствиям не очень оборудована*).

Анализ синтаксических функций падежных форм имени существительного прежде всего связан с изучением законов и правил сочетаемости слов, иначе говоря, с изучением форм и типов словосочетаний, и с изучением употребления тех или иных форм слов в роли разных членов предложения.

Различие морфологической и синтаксической точек зрения обнаруживается и при изучении других категорий, например наклонения глагола. В морфологии формы наклонения рассматриваются в системе других форм и категорий глагола — времени и вида, лица и числа, а отчасти и залога. Определяя построение и функциональное содержание той или иной формы глагольного наклонения, например повелительного, морфология не ставит и не разрешает вопроса о роли соответствующих форм в структуре разных видов предложений — побудительных, повествовательных, вопросительных. Например: *Хоть ты пожалей меня; Щепотки волосков Лиса не пожалей — Остался б хвост у ней*. Крыл., Лиса.

В синтаксисе же категория наклонения вливается в более широкую категорию модальности (т. е. в категорию, выражающую отношение сообщения к действительности, к реальности осуществления) и рассматривается как структурно-морфологическая база многообразных типов глагольного предложения, различных по своей модальной окраске, т. е. выражающих разные отношения к действительности.

Ср. *Пришла настоящая весна*. Л. Толст., Анна Каренина, ч. 2, XII; — *Да, пожалуй, я поел бы и утки...* Чех., Сирена; *Пожарные, лей!* Чех., Брожение умов; — *Вам бы, ребята, на медведей сходить, забава хорошая!* Горький, Дело Артамоновых, I.

Таким образом, морфология изучает слова и их формы в их внутреннем единстве и в их различиях, зависящих от принадлежности разных типов слов к разным системам словоизменения, к разным морфологическим и отчасти словообразовательным категориям, к разным частям речи; синтаксис же захватывает в сферу своего рассмотрения слова и формы слов с точки зрения их сочетаемости друг с другом и с точки зрения их функций в составе словосочетания и предложения, которые и составляют основной предмет синтаксиса.

По отношению к формам слов различие между морфологическим и синтаксическим их изучением определяется таким образом: морфология рассматривает формы отдельных слов в их образовании и значении, а синтаксис — употребление форм отдельных слов в словосочетаниях и предложениях.

СЛОВСОЧЕТАНИЕ КАК ПРЕДМЕТ СИНТАКСИСА

4. Изучая правила сочетаемости слов и форм слов, синтаксис, естественно, прежде всего обращается к тем грамматическим единствам, которые, возникая из сочетания слов по законам или правилам данного языка, выражают в составе предложения единые, хотя и расчлененные значения. Такого рода грамматические единства, словосочетания, состоящие, как уже было сказано выше, не менее чем из двух полнозначных слов, являются строительным материалом для предложения. Словосочетания только в составе предложения и через предложение входят в систему коммуникативных средств языка. Их синтаксическое употребление, способы их связей обнаруживаются в структуре предложений. Но рассматриваемые вне предложения, как строительный материал для него, словосочетания так же, как и слова, относятся к области номинативных средств языка, средств обозначения предметов, явлений, процессов и т. п.

В определении словосочетания и в понимании его отношения к предложению нет полного согласия и единства между разными научными грамматиками. Вопросы о грамматической сущности словосочетания, об объеме словосочетания, о его форме и значении, о его отношении к предложению и слову в разных языках еще остаются мало изученными.

Все признают, что словосочетание состоит не менее чем из двух полнозначных слов, что оно организуется по законам и правилам соединения слов и их форм, присущим данному языку, и что оно выражает единое, хотя и сложное, расчлененное понятие, цельное значение. Но одни языковеды, опираясь на буквальный, этимологический смысл термина «словосочетание», относят к словосочетаниям все виды грамматического сочетания полнозначных слов — независимо от различий их структуры, их функций в процессе общения и их отношения к разным формам мышления. Именно на такой точке зрения стояли некоторые представители нашего отечественного языкознания: проф. А. В. Добиащ, академик Ф. Ф. Фортунатов, проф. А. М. Пешковский, проф. М. Н. Петерсон и др.

Так, Ф. Ф. Фортунатов, считая предложение лишь разновидностью словосочетаний, определял словосочетание следующим образом: «Словосочетанием в речи я называю то целое по значению, которое образуется сочетанием одного полного слова (не частицы) с другим полным словом, будет ли это выражением целого психологического суждения или выражением его части». С этой точки зрения все сочетания слов, включая и те, которые соответствуют предложениям, рассматривались в одной плоскости. Структурное различие между словосочетанием и предложением как разными синтаксическими категориями стиралось. Предложение выступало лишь как форма или разновидность словосочетания, как «законченное» словосочетание. Больше

того: при расширенном понимании словосочетания границы его далеко выходят за пределы простого предложения. Сочетание словосочетаний, или сложное словосочетание, может быть даже синонимом сложного предложения. Изучение структуры предложений в таких случаях или вовсе отсутствует, или сводится к простому подведению слов и словосочетаний под традиционные рубрики членов предложения.

Напротив, у тех языковедов, для которых в центре синтаксиса находилась теория предложения и его членов, изучение словосочетаний отходило на задний план и даже нередко совсем исчезало из синтаксиса.

Между тем словосочетание и предложение — качественно различные категории синтаксиса. Словосочетание, в отличие от предложения, совсем не является цельной единицей языкового общения и сообщения. Для структуры словосочетания не характерны и не типичны те своеобразные так называемые субъективно-объективные синтаксические категории (вроде категорий лица, времени и модальности), которые обуславливают относительную законченность сообщаемой мысли в речи. Вместе с тем важность изучения словосочетаний как строительного материала для предложения и функций словосочетаний в составе предложений — несомненна. В правилах сочетания слов, в закономерностях образования разных видов и типов словосочетаний ярко проявляется национальная специфика языка.

5. Структура словосочетания характеризуется тем, что оно организуется около одного знаменательного слова, являющегося его стержнем; это обнаруживается как в формальной, так и в смысловой стороне словосочетания. Конструктивные свойства словосочетания чаще всего определяются морфологическим строем его господствующего, стержневого слова. Словосочетанию так же, как и слову, принадлежит способность формоизменения, т. е. оно обладает системой форм. В связи с этим находится многообразие синтаксических функций одного и того же словосочетания, если его господствующее, стержневое слово обладает системой форм, напр.: *сторонник мира, сторонника мира, стороннику мира* и т. д.

Естественно, что в систему форм глагольных словосочетаний *изучать философию, заниматься пением, сочувствовать товарищу* и т. п. входят и их предикативные формы *изучаю философию, занимаюсь пением* и т. п., но лишь как потенциальный материал для составления предложения, так как словосочетание само по себе не имеет интонации сообщения и ему чужды соотносительные категории подлежащего, сказуемого и других членов предложения. Проблема предикативных соединений слов относится не к теории словосочетания, а к учению о предложении. Впрочем, в большей части современных грамматических исследований синтаксические категории, свойственные словосочетанию и предложению, беспорядочно смешиваются. Поэтому и объем категории словосочетаний, и состав

разных видов словосочетаний, т. е. синтаксические границы словосочетания, и их классификация, их деление на виды или типы остаются во многом неопределенными. Однако если признать, что отправной базой изучения словосочетаний является изучение двусловных сочетаний (не считая служебных слов), образующих грамматическое единство, способных выражать цельное значение и служить обозначениями, то сразу станет ясным, что сюда не могут быть отнесены такие, например, вырванные из предложения словесные отрезки: «они, пьяные, потные. . .» (*Все они, пьяные, потные, с мутными глазами, напряживаясь и широко развевая рты, пели какую-то песню. Л. Толст., Война и мир, т. III, ч. 3. XXIII*); «трезвый, он. . .» (*Но однажды, трезвый, он прочитал мне только что написанный им рассказ о мужике. . . Горький, Сторож*); «обессиленный, онемев, я. . .» (*Обессиленный, онемев, я чувствовал, что страшная тяжесть давит меня. . . Горький, Сторож*); «жизнь теплая» в отличие от словосочетания *теплая жизнь* ([Тетерев] *А мерзавцы просто наследуют имущество покойного и продолжают жизнь теплую, жизнь сытую, жизнь удобную. . . Горький, Мещане, д. II*).

Такого рода отношения слов, наблюдаемые в составе предложения, возникают на основе словосочетаний, но представляют собою своеобразные видоизменения их, обусловленные отношениями членов предложения, наличием элементов интонационного членения и т. п.

В сочетаниях слов этого типа исследователи обычно находят утверждение, хотя и неполное, выражаемое инверсией (перестановкой) имени прилагательного, интонационным его обособлением. Синтаксические отношения, связанные с выражением утверждения или отрицания, с направленным на окружающую действительность сообщением, называются *п р е д и к а т и в н ы м и* — в широком смысле этого слова. Они типичны для предложения. Отношения предикативные осуществляются лишь в составе предложения, во взаимодействии и взаимоотношении между разными его членами; следовательно, они не имеют прямого отношения к синтаксическому учению о словосочетаниях и разных его типах. Вот почему широко распространенное деление словосочетаний на два главных разряда — *непредикативные* и *предикативные* — лишено внутреннего основания: оно вызвано смешением вопросов изучения словосочетания с учением о структуре предложения.

Механический перенос предложения в круг словосочетаний связан с устранением, ликвидацией самых существенных признаков предложения: со стороны значения — функции единицы общения и средства сообщения, со стороны формы — интонации предложения. Любопытна в этой связи данная академиком А. А. Шахматовым характеристика отличий словосочетания от предложения: «Со стороны формы, словесного облика, предложение отличается от соответствующего ему, состоящего из тех же слов незаконченного словосочетания интонацией; со стороны

значения предложение отличается от незаконченного словосочетания соответствием законченной единице мышления».

Когда предложение рассматривается как словосочетание или соединение словосочетаний, тогда от него обычно отнимается интонация. Между тем интонация — органический элемент структуры предложения. Если предикативное словосочетание — лишь скелет предложения, лишенный живой плоти живого языка, то непонятно, для чего нужен такой двойной анализ одних и тех же синтаксических явлений.

Из сказанного ясно, что так называемые предикативные словосочетания не относятся к синтаксическому учению о формах и типах словосочетаний. Этот же вывод с несомненностью вытекает и из анализа структурных качеств словосочетаний. Словосочетание хотя и резко отличается по своей структуре от отдельного, даже сложного слова, представляющего собою не делимое на самостоятельные синтаксические элементы морфологическое целое, — все же, подобно слову, может иметь систему форм, напр.: *темное пятно, темного пятна* и т. п. Предикативное же сочетание слов спаяно в единство категориями лица, времени и наклонения и, будучи единицей сообщения, не является именованием, хотя и сложным.

6. Словосочетание обычно образуется на основе слова, принадлежащего к той или иной части речи, в соответствии с правилами его сочетаемости с другими словами. Учение о словосочетании и его видах или типах в русском языке еще со времен «Российской грамматики» М. В. Ломоносова было тесно связано с учением о частях речи. Отсюда возникла и группировка словосочетаний по стержневому, грамматически господствующему, главному слову, в зависимости от которого находятся другие слова в составе того или иного словосочетания. Нередко различают словосочетания именные (субstantивные и адъективные), глагольные и наречные (или адverbиальные). Это различие очень важно. Есть синтаксические связи, типичные для отдельных частей речи (например, для глагола — сочетания с винительным прямым объектом, для имен существительных — с родительным определительным субъектом и объекта, а также с согласуемым прилагательным). Но наряду с этим делением словосочетаний, пересекая и осложняя его, идет деление словосочетаний по способам и формам связей между словами, по семантическим классам и словообразовательным гнездам, объединяющим в своем составе слова разных частей речи, иногда по общности основы и по связи словообразовательных отношений, иногда по общему семантическому качеству, напр.: *согласиться с кем-чем, согласие с кем-чем, согласный с кем-чем, согласно с чем* (но ср. *согласно чему* и — в канцелярском стиле — *согласно чего*); ср. также: *доверять кому-чему, доверие к кому-чему, доверчивый к кому-чему; покориться судьбе, покорный судьбе, покорность судьбе* и т. п. Вместе с тем на основе взаимодействия разных типов словосочетаний — в связи с обобщением так называемых слабоуправляемых пред-

ложных связей — широко распространяются, охватывая разные части речи и разнообразные семантические разряды слов, словосочетания со вторым обстоятельственным или обстоятельно-определятельным членом: *остановиться у реки, дом у реки, высокий у реки холм*. Но все эти разные типы словосочетаний, обладая системой форм, присущей грамматически господствующему слову словосочетания, могут выполнять в строе предложения очень разнообразные функции.

Именное словосочетание *первый снег*, состоящее из имени существительного *снег* как грамматически господствующего, стержневого слова и из согласованного с ним порядкового числительного, в разных своих формах (*первого снега, первому снегу, первым снегом, о первом снеге*) может играть разную роль в составе предложения и по-разному входить в состав сложных словосочетаний (*рассказ о первом снеге, близна первого снега, лыжный пробег по первому снегу*). Таким образом, правила образования словосочетаний прежде всего вытекают из морфологических свойств разных частей речи с присущим каждой из них кругом форм и категорий.

Морфологические категории имеют разную степень внутреннего единства. Слова, относящиеся к разным морфологическим категориям, обладают разным по численности и по многообразию функций составом форм. Вот почему и правила сочетания слов — в зависимости от их морфологической природы — очень разнообразны. Для примера возьмем простейший случай — синтаксическое употребление имен прилагательных. Будучи выражением качества, признака предмета, имена прилагательные в русском языке, как правило, всегда сочетаются с именами существительными и облекаются в соответствующие определяемым ими словам одинаковые с ними формы рода, числа и падежа. Такой способ синтаксического уподобления определяющих слов словам определяемым называется *с о г л а с о в а н и е м*. Обычно говорится, что формы рода, числа и падежа имен прилагательных — это формы согласуемые. При этом, по законам русского языка, в словосочетании имя прилагательное всегда ставится впереди определяемого им имени существительного, напр.: *осенняя пора, голубое небо, свежий ветер*; у М. Исаковского — об Америке: *Лежит на ней бесславных дел позор, В ней все живое — ныне под запретом. . . Так по какому ж праву до сих пор Она еще зовется Новым светом?* Новый свет. Функция согласуемого определяющего слова к имени существительному — основная функция имени прилагательного в составе словосочетания. Однако имя прилагательное, образуя замкнутое по смыслу словосочетание с тем именем существительным, с которым оно согласуется, может в некоторых своих семантических разрядах распространяться и зависимыми от него формами косвенных падежей имен существительных без предлога или с предлогами, напр.: *твердый в решениях, опытный в садоводстве, коричневый от загара, слепой от рождения*,

строгий к себе, близкий к городу. Но такого рода синтаксические свойства, хотя они все больше и больше развиваются в именах прилагательных, характеризуют не всю эту категорию в целом, а лишь отдельные, правда, многочисленные и все растущие семантические группы в ее пределах. Как уже сказано, типической и основной синтаксической функцией имени прилагательного, кроме способности сочетаться с наречными определениями или характеристиками количества, степени и эмоциональной оценки (*очень хороший, весьма старательный, ужасно добрый, замечательно правдивый* и т. п.), является функция согласуемого определяющего слова к имени существительному. Синтаксические отношения, связанные с этой функцией, обычно называют в научной лингвистической литературе отношениями *атрибутивными*, или *определятельными*.

Но в строе предложения эта основная синтаксическая функция имени прилагательного может быть осложнена и видоизменена. Дело в том, что здесь связь имени прилагательного с определяемым именем существительным может представляться не как непосредственно данная в акте обозначения (*мужественный борец за свободу, милая невеста, дорогая жена*), а как устанавливаемая, приписываемая предмету, лицу. На этой почве связи имен прилагательных с именами существительными видоизменяются и развиваются своеобразные отношения прилагательных к глаголам-сказуемым. Синтаксические связи таких прилагательных становятся двойственными, двусторонними.

Она сидела, как каменная, вся желтая, бледная, с сжатыми губами... Тург., Двор. гнездо, XXXIX; *Снегирь, отбившийся от стаи, сидит на ольхе, красный, важный, как генерал...* Горький, В людях, VII; *За кормой шелково струится, тихо плещет вода, смолисто-густая, безбрежная.* Горький, Мои университеты.

Кроме того, широкие стилистические возможности перемещения, изменения словорасположения, открывающиеся для имени прилагательного в структуре распространенного предложения, и способность вступать в ряды однородных, т. е. выполняющих одну и ту же определительную функцию, слов и словосочетаний способствуют отделению, обособлению форм имени прилагательного от определяемых ими существительных. Тем самым существенно преобразуются приемы употребления прилагательных, типичные и закономерные для словосочетаний.

Никита Зотов стоял перед ней истово и прямо, как в церкви, — расчесанный, чистый, в мягких сапожках... А. Н. Толст., Петр Первый, гл. 2, 3.

Любопытно, что определительное отношение имени прилагательного к личным местоимениям может устанавливаться лишь в составе предложения.

Вместе с тем необходимо заметить, что между определительными (или атрибутивными) отношениями и отношениями предикативными